

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ТЕМА РУССКОГО БУНТА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Н. ТОЛСТОГО

© 2020 Д.В. Агалаков

*Агалаков Дмитрий Валентинович, член Союза писателей России
и Международной ассоциации писателей-фантастов, аспирант кафедры
русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы.*

E-mail: agalakov07@rambler.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет.
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 27.07.2020

В данной статье автор исследует рассказы А.Н. Толстого «Архип» и «Сватовство» - ранние произведения, где писатель создает универсальный мир, который он так хорошо знал и любил, напитавший его своими радостями и печалью. Автор приходит к выводу, что какой бы ни была марксисткой графиня Александра Леонтьевна Толстая, мать Алексея Толстого, но Россия времен гражданской войны ужаснула и Бунина и Толстого. Рассказы «Архип» и «Сватовство» будто намеренно сплетены в один обнаженный нерв, уходящий гораздо глубже современной автору классовой борьбы, новых литературных течений – он уходит в глубину народного тела, через пугачевщину и разинщину, на сотни лет назад, почти в первобытную дикость, открывая силы темные и разрушительные для любой цивилизации, для самой души человека.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, рассказ «Архип», рассказ «Сватовство», русский бунт.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-97-105

Особого внимания литературоведов всегда заслуживали авторы, одинаково плодотворно и профессионально работающие в разных литературных жанрах и направлениях: психологический роман, драма, трагедия, романтическая повесть, комедия, сатира, малая проза, поэзия, очерк, сказка. Алексею Толстому это удавалось с легкостью истинного мастера слова. Этот дар открылся в нем уже в ранних его произведениях – в «Заволжском цикле». В ярком сатирическом романе «Чудаки» он заставляет нас смеяться над уходящим дворянским сословием, выставленным в гротескном свете. Мы знаем, с каким трепетом относился к этому нищающему сословию Бунин, но Иван Алексеевич и сам был частью этого сословия, его кровью и плотью. Но не А.Н. Толстой, который лишь формально, по крови, принадлежал к аристократии, а на самом деле рос в глуши деревенским мальчишкой, воспитывался матерью-марксисткой, отчимом-социалистом и до восемнадцати лет не имел даже фамилии. Так, безродный бастард, предмет насмешек для ровесников. Отсюда и мстительность, благодаря гениальному перу превращенная в самую высокую литературу.

В статье о романе «Чудаки» мы уже проследили его блистательный дар сатирика, но вот мы открываем страницы двух его рассказов – «Архип» и «Сватовство», и лицом к лицу встают перед нами русские стихийные бунтари – дикие, необразованные, злые, буквально – темное мужичье, спины отцов, дедов и прадедов которых иссечены барскими плетьюми. Это наблюдается в более поздних произведениях Алексей Толстой мастерски напишет в угоду советской власти портреты иных «мужиков да баб» из низов, «благородных воителей и воительниц», увлекшихся революцией, как-то: комиссар Иван Гора из «Хождений по мукам», красноармейка Агриппина, рабочий Руднев, матрос Чугай, комсомолка Маруся - все как один советские хрестоматийные персонажи, которыми мы, рожденные в СССР, восхищались в юности.

Но Толстой до революции – совсем иной человек. Он рос пусть и в худой, но барской усадьбе, играл с деревенскими мальчишками, общался с теми мужиками, которые пока еще ломали шапку перед господами. Но уже неминуемо приближался 1905 год, и скоро «хорошим тоном» среди крестьян станут поджоги барских подсобных хозяйств, и самые добрые и совестливые

мужики станут приходить к господам и предупреждать заранее: «Будем жечь, готовьтесь. Так надо». «Аграрные иллюминации», поджоги самих барских усадеб, и резня господ последуют сразу за этим.

И в своих характеристиках А.Н. Толстой этих «героев из толщи народной» не помилует, напишет воистину звериные образы и личины.

1. «Архип»

Рассказ «Архип» начинается с того, что благодушные соседи-помещики – престарелая Александра Аполлоновна Чембулатова¹ и молодой дворянин Собакин обсуждают местные новости: в округе-де свирепствует Оська-конокрад, великий мастер в своем черном деле, который, коли захочет, уведет любую лошадь. А у Собакина как раз появился новый жеребец сказочной красоты и силы, и даже имя ему – Волшебник. Жеребца стережет надежный слуга-охранник из мужиков – Архип. Собакин, хозяин отчасти мечтательный, так о нем отзывается: «Архип мрачный, но очень надежный; мужик косматый, глаза волчьи, но верный...» [2, с. 87]. И вот прибегают из усадьбы Собакина и говорят: «Увели Волшебника». Собакин в бешенстве, несется в имение, допрашивает Архипа, а тот, пьяный, признается: навалились, мол, скрутили руки, а кто – не помнит. Кается: виноват, барин, не доглядел. Мужики из его имения от погони по горячим следам отказываются наотрез: Оську, говорят они, никто не догонит, он уже, небось, за двести верст отсюда. Чембулатова сочувствует молодому соседу, сетует: мол, предупреждала, и советует ехать на ярмарку в Уральск, где Волшебника, несомненно, и продадут конокрады. У старухи есть опыт – ее «братец» так вызволял из воровских рук своих жеребцов.

И Собакин едет на ярмарку в Уральск. Но по дороге, ночью, в черной степи, он попадает на ночлег почти к мистическому персонажу, почти в тридевятое царство. Старый казак Заворыкин – хозяин полудикого хутора и всей округи на долгие версты. Заливаются и хрипят цепные псы, словно адские звери; но гостю разрешают переступить порог. Заворыкин – «костлявый старик в синем чекмене». Действие происходит в тяжелом полумраке. «В свете лампы лицо его, обтя-

нутое желтой кожей, узкий и прямой нос и темные глаза представлялись такими, какие писали на раскольничьих образах» [2, с. 92]. Заворыкин угощает Собакина водкой, и у гостя распускается язык – помещик первому встречному поперечному рассказывает о цели своей поездки. Заворыкин пугает его: поедет на ярмарку – убьют. Как это убьют? Казак усмехается: «Молоды вы, господин Собакин, хороший барин, а разума в вас настоящего нет. Приехали вы ко мне, меня не знаете и рассказываете всю эту историю, а жеребец-то ваш, может быть, у меня. А? Для примера я говорю. Ну, вот после этого я себя позорить не дам. У нас в степи законы не писаны, колодцы глубокие, – бросил туда человека, землицей засыпал, и пропал человек... У нас в степи казак на сорока тысячах десятинах – царь, не только в чем другом, в жизни людской волен» [2, с. 92-93].

Собакин быстро захмелел. Из красного угла на него смотрят черные иконы, точь-в-точь раскольничьи, и строгие лики с образов похожи на желтое лицо Заворыкина. А старый казак Заворыкин его заговаривает: «...Здесь душа вольна у каждого, как птица. Душа немудрая, нечем запятнать ее, степь – чистая... В степи бог ходит. Здесь нас за грехи и судить будет. Много грехов на нас, но многое и простится...»

Собакина совсем ведет от водки и разговоров хитрого и мрачного старика. Несмышленного барина отпаивают студеной водицей и укладывают в сених.

«Плыли, качались сундуки, крытые коврами, в сених, и все еще гудел, казалось, голос: «Бог здесь ходит, бог...»

«Страшный у них бог, – думал Собакин, лежа на сундуке, – травяной...» [2, с. 93]. Заворыкин поистине сказочный персонаж: он будет Кощей, что разделяет мир живых и мир мертвых. И дом его в далекой степи – могила, гроб, и сам хозяин – мертвец. В мире живых, откуда приехал Собакин, существуют законы, а дальше – иная реальность. Но Собакин решается перешагнуть условную черту и оказаться в том мире, где законы не писаны, где можно воровать и убивать, и с тебя толком не спросится.

Утром Собакин делает вид, что послушал старого казака и решил вернуться домой, но сам делает большой крюк вокруг хутора, чтобы его не заметили, и едет на Уральскую ярмарку².

¹ Неподалеку от хутора Сосновки, где рос А.Н. Толстой, жила богатая помещица, носившая так же, как и соседка героя рассказа Собакина, фамилию Чембулатовой.

² Второй раз автор возвращается к этому незабываемому автобиографическому событию в своих произ-

Тут шум и гам, торг и веселье, башкиры гоняют молодых жеребцов, учат их арканом, пытаются продать лошадку Собакину, но тот упрямо ищет дорогого ему Волшебника. И вдруг продавец найден. Молодой крепкий парень, наглый, пьяный, он только что продал вороного, и зовут продавца... Оськой. А теперь гуляет – и зло гуляет.

Собакину повезло – попал на вора. Оську на ярмарке хоть и боятся, но берут быстро – и в острог. Теперь все против него. Собакин идет к нему и в полутемной камере упрашивает вернуть ему Волшебника: мол, четыреста верст ехал, надо бы «по-человечьи» все решить, но Оська и впрямь безрассуден и опасен. Толкает барина, отшвыривает полицейского и бросается на волю. Начинается настоящая погоня, и в ней участвуют все, кому насолил Оська. Конокрадов ненавидят хуже любых других воров. На Оську охотятся, как на зверя, ловят и расправляются по-свойски. Оську доставляют обратно, передают полиции, но каким его видит – лежащим на полу в земской избе – молодой и неопытный помещик Собакин.

Оська не просто избит – зверски истерзан, изломан.

«- Что с ним? – дрожа мелкой дрожью, спросил Собакин, боясь догадаться...»

Белый зад Осипа был запачкан землей и кровью, оттуда на вершок торчал кусок дерева» [2, с. 98].

Урядник теребит усы и с сожалением говорит: «Вот как они расправляются, по-турецки. Мужики давно случая ждали». Собакин понимает: конокраду-Оське остается только одно – умирать в страшных мучениях, каких ни одному врагу не пожелаешь, и смерть эта может растянуться не на часы – на дни. Собакин готов забыть про своего Волшебника, только бы такого не случилось, но поздно. Урядник добавляет: «А лошадка ваша в степи у казака Заворыкина».

И Собакин едет назад – в степь, где человек легко может пропасть в колодце. Недаром его предупреждал хитрый Кощей – советовал унести ноги подобру-поздорову. Заворыкин все понял сразу: «За конем приехал?» – рассвирепел в миг, крикнул: «Щенок!», поднял плеть. Собакин едва пискнул: «Не позволю!» – и лишился сознания оттого, что сдавила его костлявая, но мощная рука злого степного черта. Собакин оч-

нулся в постели, над ним нависло лицо Заворыкина. Помещик вжался в стену. Но у казака уже отлегло от сердца.

«...Старик, наклонясь, зашептал:

- Очнулся... Нехорошее дело вышло, попутал меня бес, думал, приехал ты срамить меня, а ты, видишь, простой, как малое дитя. Ах, барин, прости меня, гордый я, разгорелось с обиды сердце, убить ведь могу тебя, и никто не узнает... А ты, – видишь, – прост» [2, с. 100].

Более того, Заворыкин говорит: пусть барин отоспится. А завтра получит своего коня, и денег никаких не надо.

Помещик Собакин возвращается домой победителем. Не первый раз он уже рассказывает о приключениях соседке-помещице Чембулатовой. Ведь это почти Одиссея. И периодически их разговор возвращается к персонажу, который был до этого в тени. И старый казак Заворыкин растворился где-то в ночной бескрайней степи, будто призрак, и отдал Богу – или черту – душу Оська-конокрад. Разговор то и дело крутится вокруг Архипа, которого судили за недогляд и который переменялся с тех пор, как случилась история с Волшебником.

Чембулатова говорит за чаем:

«- Не любила я вашего Архипа, злой он, и глаз у него черный, приедет и все по конюшне ходит, все чего-то высматривает, и непременно что-нибудь после случится...» А тут и другое: «Еще до вашего приезда в деревню он избил моего объездчика за то, что тот не позволил ехать в телеге по хлебу». Чембулатова выносит приговор: «Такие, как Архип, безземельные, бессемейные мужики на все способны, в них бес сидит. Служит он у вас, все ничего, – только угрюм да молчит, а потом возьмет да вас и сожжет...» И добавляет совсем уже по-философски, со всей данной ей возрастом и опытом мудростью: «А причина всему, конечно, что нет настоящей опеки над крестьянами. Мужик обращается в первобытное состояние...» [2, с. 102].

В те дни Собакин едет в одноколке по полю и вдруг видит, как его догоняет Архип, в руке у того – топор. Сверкает на солнце отточенная сталь. Архип намахивается и кидает топор в барина – едва не раскроил Собакину голову: топор угодил в переднюю доску козел. Собакин завопил, подскочил в ужасе, а Архип уже плелся во след одноколке.

ведениях, в первый раз на ярмарку ездил его Никита с отцом, из повести «Детство Никиты».

«- Теперь что хочешь со мной делай, - сказал Архип и смотрел на багровую полосу заката, - поседевший, весь обвеянный ветром.

- За что ты меня, Архип?

- Сына моего убил.

- Какого сына?

- Осипа...» [2, с. 103].

Как оказалось, Оська-конокрад – сын Архипа. Был. Все теперь встает на свои места. И наверняка, сговорились они, когда Осип уводил Волшебника. Но что стоит лошадь в сравнении с человеческой жизнью? Собакин клянется никому не говорить, что Архип едва не зарубил его топором, и объясняется, как может, что Оську убили мужики, а он ни в чем не виноват. Но Архип только коротко и зло смеется в ответ.

Проходит более года. Хваткий Архип уже приказчик. А времена подступают суровые. Мужики говорят о таинственной «золотой грамоте», которая издавна ходит по земле, никто ее не видел, но что в грамоте написано, всем известно: земля принадлежит мужикам, и только им. А листовки, призывающие к восстанию, видели все. Их разбрасывают по ночам, а утром – их содержание становится известным всем более или менее грамотным.

Входит в силу 1905-й год. У соседки Чембулатовой мужики уже спалили гумно. Все вокруг злы – жди дурного.

Архип в должности приказчика самоволен и жесток, власть над равными вдруг уродливо преобразует его. Мужиков, которые на него жалуются, он презрительно называет дурачьем, и тоже, по-хозяйски, рассуждает: «- С мужиком по-другому нельзя, - притесни, он тебе что хочешь сделает, а с доброго слова сядет на шею» [2, с. 105]. Его логика возгордившегося плебея истине отвратительна. Архипа мужики хотят избить, да он все уходит от расправы, и всякий раз только становится беспощаднее и жестокосерднее.

В одну из ночей Собакина, который видит сладкий помещичий сон, наскоро будят. Это – Архип. Он говорит: вставайте, барин! Мужики идут жечь, пора доставать ружья.

Новость почти парализует Собакина. Он трясущимися руками заряжает охотничье ружье мелкой дробью, на бекаса, но Архип советует ему: «Картчью заряжайте, не будет повадно!» Собакин только и повторяет: «Господи, какой ужас!». Мужики разбивают окна, режут: «Архипа нам давай!» Собакин – благородный барин, он не отдает им слугу, зато Архип задувает свечу, пе-

рехватывает у барина ружье и стреляет картчью в силуэты за окном. Кто-то, тяжело раненый, падает. Обозленные мужики швыряют в дом пылающую солому. Лезут в другое окно – Архип стреляет и в этих. Влетает камень, попадает Собакину в лицо, тот стонет, Архип заботливо пригибает его от других ударов. Ад буквально разверзается под ногами доброго помещика Собакина, который еще полчаса назад спал спокойно и видел счастливые сны.

Но все, что случилось до этого, не самое страшное. Только присказка. Тут и происходит то, чего никак не мог ожидать Собакин. Попав в историю с жеребцом Волшебником, за этот год с лишком он повидал всякого: и степного Кошечя – казака Заворыкина, гордеца, который едва не придушил его в железной хватке, а после отдал ворованного жеребца молодому барину как ни в чем не бывало; и опасного Оську-конокрада, которого боялась вся ярмарка, а позже и убила бандита всем миром. Но он еще не столкнулся с истинной «народной силой», с ее разудалой жестокостью, не знающей берегов, с ее лукавством и мстительностью, которые копились столетиями, с ее абсолютным презрением к человеческой жизни, бескомпромиссностью, буквально сконцентрированной в его приказчике Архипе. Недаром же помещица Чембулатова говорила доброму соседу: «Служит он у вас, все ничего, а потом возьмет да вас и сожжет...»

Но тут – хуже. Усадьба наивного Собакина, который сам не сделал ни одного выстрела по мужикам, уже загорается со всех концов.

«- Вот что, барин, - сказал Архип, - давно я хотел тебя поблагодарить... - И, толкнув Собакина, он сел ему на грудь и засмеялся.

- Архип, что ты, Архип... - шептал Собакин, стараясь высвободиться, разорвал на Архипе рубашку, царапнул по телу, и Архип словно опьянел и весь налился злобой.

Надавив коленом горло, вынул он складной с костяной рукояткой нож, зубами открыл его и, глядя прямо в белые, безумевшие глаза Собакина, занес и опустил» [2, с. 107].

Когда усадьба пылала, Архип уносился прочь на коне. Никто не поймал его, потому что не изловить вихрь, природную силу, и чем злее она, тем неуязвимее. Она бессмертна, и передается из поколения в поколение. Архип оставил зарезанного барина, мало в чем перед ним провинившегося, гореть на полу усадьбы, оставил глупых поджигателей-мужиков, которых унижал и обкрадывал, как мог, став приказчиком, а теперь

еще и обрек их – кого на виселицу, кого на ка- торгу. И все это он сделал расчетливо и зло, мстя всему миру, самому Господу Богу, и поступил бы так еще сотню раз и не раскаялся бы. Он улетал прочь в еще более страшное будущее, которое не ограничится одними «аграрными иллюминаци- ями», которое потрясет и разрушит весь мир, улетал на легком черном жеребце – Волшебнике.

2. «Сватовство»

Рассказ «Сватовство» тоже начинается иллю- страцией небольшого помещичьего мирка бед- ных дворян Камышиных – придиричивой барыни Лизаветы Ивановны и ее полноватого сынка- недоросля Миши, над которым она то и дело зло посмеивается, причем на людях, чем доводит Мишу до иступления.

«... - Что же ты, Миша, молчишь, понять меня не можешь, - голова у тебя дурацкая?»

Действительно, голова у Миши, или Михайлы Михайловича Камышина, была в виде огурца – кверху уже. Брови – белые, ресницы и жидкие волосы, как лен, зато толстые щеки и губы, кото- рые Лизавета Ивановна звала не иначе как шле- панцы, краснели от здоровья...» [3, с. 254].

Мать распоряжается сыном, как слугой. Тре- бует, чтобы тот шел смотреть на свинью - как бы не сожрала поросят - и угрожающе прикрикивает на молодого человека. Миша все делает через силу. Единственное, чего ему хочется по- настоящему, это жениться. Строгой матери, ко- торая с особой издевкой частенько называет его «дуралеем», и он все чаще дерзит, хоть и с опас- кой.

Когда поросята подрастают, Мишу посылают с парой из них к соседу-помещику Павале- Шимковскому, земскому начальнику, старику, который живет в Марьевке¹ с сыном Алексеем и дочкой Катенькой, о которой ходят сплетни, что она, как молодая женщина, позволяет себе че- ресчур многое. Именно Катенька и является предметом вожделения Миши, о ней он грезит, сладко распуская во сне губы...

Юный помещик Камышин приезжает к ста- рому Павале-Шимковскому в нелегкое время.

¹ Село Марьевка – часть того же универсального мира автора, в котором он рос, оно находилось в 25-ти вер- стах от хутора Сосновка, где прошло детство Толстого. Более того, А.А. Бостром, отчим писателя, в письме от 23 января 1899 года упоминает о встрече в Марьевке с земским начальником Павалой.

Мужики толпятся в прихожей избы, решая во- прос по недоимкам. Кто-то пришел отдать день- ги, другие – часть денег, третьи договориться об отсрочке. Старый Павала не выходит, и недо- вольные мужики гудят в прихожей. Время все то же – канун 1905-го, или он уже наступил, тут и там ходят агитаторы, ветер свободы и самоволь- ства уже тронул Россию, но только не старика- Павалу, который по-барски может и за плеть взяться, коли что не так. Хотя, Павала – человек незлой и степенный, просто он порядок во всем любит. Сам он по-стариковски спит весь день, что бесит мужиков, которые бестолку ждут его часами.

«- Нам ждать нельзя, у нас лошади не кормле- ны, сами есть хотим. Что за порядки – деньги принесли, а он не берет... Разбудить его. Потом отоспится... Будить его, ребята, будить...» [3, с. 258].

Но сон помещика свят. Все его дела решают сын и дочь. Сын Алексей – болезного вида, на него и не смотрят толком, авторитета он не име- ет, зато дочь Катенька никому спуска не даст.

«...Дверь распахнулась сама, и на пороге по- явилась полная девушка небольшого роста, кра- сивая русской красотой, насмешливой и лени- вой...»

- Молчать! – сказала она. – Это что еще такое! – Узкие брови ее сдвинулись. На круглой белой щеке чернела маленькая мушка.

Мужики сняли шапки, девушка спросила су- рово:

- Что вам надо? Деньги принесли?» [3, с. 259].

Одних мужиков, простоявших часы, она спроваживает, других зовет, распоряжается всем и вся на свое усмотрение. Но недовольство зем- ским управителем нарастает день ото дня. Именно в такие часы и приезжает в соседское имение Михайла Михайлович Камышин, как ча- сто по имени-отчеству называет его автор для пущей важности.

Подъезжая к усадьбе, Миша мельком видит в окне Катеньку, и сердце его упоительно запева- ет. Мужики просят юного барина о помощи, и Миша помогает им разобраться с квитанциями, потому что сами они читать не умеют. И только потом проходит в избу. Старик Павала наконец- то встал, ест «манную кашку», как он ее любовно называет; Павала рад подарку помещицы – двум пороссятам.

Два рассказа – «Архип» и «Сватовство» - объ- единяет не только одна тема – мужицкого бунта,

бессмысленного и беспощадного - но и все та же помещица Чембулатова, лишь упоминание о ней. Автор мог бы придумать другое имя, но не стал. Как мы уточняли в предыдущих очерках, Алексей Толстой создал из своих ранних произведений универсальный мир, который он так хорошо знал и любил, мир, вскормивший и вспоивший его, напитавший своими радостями и печалью.

Доев свою манную кашку, Павала с досадой говорит Мише:

«- А помещицу Чембулатову сожгли и лошадям ее ноги перебили...» [3, с. 261].

Интересное уточнение – о перебитых лошадиных ногах – в рассказе «Архип», где Чембулатова – героиня, этого нет. Но зато мы можем с точностью определить, что и добрый помещик Собакин, убитый так жестоко Архипом, и земский чиновник Павала, и недоросль Михайла Михайлович Камышин – люди одного места и круга, одного времени. Эти нюансы и спаивают воедино два рассказа.

Тут и появляется Катенька. Она улыбается Мише, протягивает ему «пухлую маленькую руку»:

«- Я вас в окно увидала... Давно у нас не были» [3, с. 261].

Миша млеет от ее прикосновения. Катенька немного прихрамывает, автор не объясняет нам природы ее увечья, но оно не отталкивает Мишу – он влюблен в красивую властную барыньку. Старик Павала, поев манной каши, набирается сил и к удивлению Миши вопит басом: «Гони их к черту, Катя! Алешка!». Старику далеко за семьдесят лет, он еще «Николаевской» закалки – Николая Первого, разумеется, и при слове «бунт» тотчас становится маленьким смешным жандармом. Он даже требует послать за стражниками. А слово «бунт» с легкой иронией произносит вошедший сельский староста Евдоким Лаптев – «коренастый мужик с черной бородой, в синем кафтане, с глазами чистыми, как цвет воды» - красавец из народа, который служит и своему «низкому» сословию, и барину Павале.

У него – Евдокима Лаптева – неожиданно окажется заметная роль в рассказе «Сватовство».

Катенька берет за руку Мишу и уводит его в сад – подальше от забот и тревог. Правда, сад – это огород с малиной и крыжовником, но все равно маленький рай, где Мише так отрадно гулять с Катенькой. Тут они и натываются на ее брата – Алексея, который сидит у дерева и плачет. Катенька говорит, что пить ему совсем нель-

зя давать. Оказывается, ее брат – хронический алкоголик, оттого он такой больной и лицом и повадками. Катенька близко-близко садится к Мише, он чувствует ее всю, потом она говорит: «Любить как хочется, Михайло Михайлович». Они подходят друг другу и по происхождению, и по возрасту, и, нет сомнения: молодые люди симпатичны друг другу. Да и во всей степной округе нет никому из них другой пары. Она называет его «мой милый», целует в щеку и убегает. Миша на седьмом небе от счастья. Он и домой уезжает, переполненный до краев счастьем, и все оглядывается с упоением на дом Павалы-Шимковской.

Но не все так просто в доме земского чиновника старика Павалы, который уже ни за чем не способен углядеть. Когда он по требованию дочери идет спать, Катенька отправляет своего брата Алексея за вином, а к себе зовет «красавца из народа» – голубоглазого крепыша Евдокима. На братский упрек, что она обещала больше *этого* не делать, Катенька отвечает: «Все ж Евдоким лучше, чем никто». Вот откуда ее репутация «гулящей барыньки», которой полнится вся округа. Несчастный Алексей и за вином бегаёт любовникам, и на гитаре для них играет, как менестрель. И горюет в душе за сестру, и сам пьёт. Но этот противоестественный порядок вещей должен рано или поздно закончиться. И он заканчивается в тот же вечер – недаром же Павала говорил: «Бунт!» - в их дом вламываются разгневанные мужики во главе с Назаром, главным стихийным бунтарем, и берут строптивую барыньку с любовником в заложники.

А Миша у себя в имении, предчувствуя скорую помолвку и свадьбу, и все радости тихой супружеской жизни, сладострастно повторяет имя любимой на все лады: «Катя, Катюбочка...» В этом состоянии его и ловит вечно недовольная мать – Лизавета Ивановна. Миша грозно объявляет, что скоро женится. Да на ком же это? – интересуется помещица.

«- На Катерине Павала-Шимковской. Вчера я предложение сделал.

- На потаскушке!.. Да ты с ума сошел! – Лизавета Ивановна всплеснула короткими ручками и вдруг засмеялась, трепыхаясь всем телом. – Одурил, одурил! Пойду в кухню, расскажу...» [3, с. 271].

Но Миша не хочет слышать ее слов. В адрес матери он с досадой шепчет: «Индюшка!» - и собирается немедленно ехать в Марьевку, к люби-

мой. Он даже не слышит, как его мать и кухарка заливаются смехом от этой новости.

Уже на подъезде Миша встречает перепуганного до смерти и словно ополоумевшего Алексея. Тот прячется в кустах. Алексей и сообщает невообразимую весть:

«- Сестру и старшину Евдокима связали, посадили в мирской амбар. Живы ли, не знаю... Что с папашей – тоже не знаю» [3, с. 272].

Совсем юный Миша, непривычный ни к какой работе, розовощекий сельский мечтатель, решает спасти возлюбленную. Делает круг по целине и въезжает в село с другой стороны. Тут шумят мужики – у них вече, бунтарская сходка. Бричку Миши они остановили, заговорили зло и весело: прошла ваша воля, барин, теперь наша воля настала. Да не к земскому ли он чай кушать? Пусть ищет другого земского теперь. А дочка его с милым в амбаре спит. Дело ли это, что баба с мужиков деньги берет? Да на сладкое? С Евдокимом водку жрет. Такой бабе веревку на шею да в воду – расправа короткая.

Миша пытается вырваться, но ему не дают. Мужики переговариваются: мол, теперь надо друг за дружку твердо стоять. А тут мальчишки гурьбой: «Дядя Назар, говорят, из Утевки стражники едут!»

Тут и в Мише проснулась злость, понял он – самое время проявить норы: «Бунтовщики... Сию минуту освободить барышню... Иначе стражниками тебя... стражниками». И все это, захлебываясь слюной, на свою беду он говорит в лицо главному бунтарю Назару.

Но Назар громко и зло обращается ко всем:

«- Ребята, камышинский барин за стражниками послал, этот самый, – и указал на Мишу...» [3, с. 273]. Еще вчера эти мужики толпились в прихожей, ругались и ворчали на сонного чиновника Павалу и шапки ломали перед его норовистой дочкой. И вот уже они превратились в одного слепого и разъяренного зверя, которого можно натравить на кого угодно.

Жилистые руки потянулись к Мише, стащили с брички и бросили на землю. Ударили в лицо раз, другой – понравилось. В считанные минуты его забили кулаками насмерть, как животное, а потом крикнули: «Девку, девку давай сюда!»

И толпа хлынула к амбару, ворвалась внутрь.

«Покрывая все голоса, вылетел из амбара долгий, острый женский вопль.

Старуха, гонявшая ребят хворостиной, перекрестилась:

- Задавили рабу божью» [3, с. 274].

Вот так же просто и безнаказанно будут давить «рабов божьих» в России через десять с небольшим лет, только на этот раз будут давить миллионами, без разбора, по дикости и варварству, неизжитому, неистребимому, вечному на этой земле.

Мишу похоронили не на кладбище, а в саду. Лизавета Ивановна долго была больна. Однажды ночью, зимой, в метель, к ним приехали на постой. Это оказался Алексей и старик Павала, как-то выживший, голова его была обвязана пуховым платком.

«- Покушайте, покушайте, – говорила Лизавета Ивановна, – вы бездомные, а мне жить незачем... Оскудели мы...

Павала голодными глазами глядел на масло. Алеша молча сидел в тени, щеки его совсем вытянулись и глаза стали огромны. Лизавета Ивановна проговорила трясущимися губами:

- Вот как мы с вами сосватали дочку вашу с моим... дуралеем...» [3, с. 275].

3. Заключение.

В очерке Ивана Бунина «Третий Толстой» есть известные строки – признание беглеца Алексея Толстого своему другу и товарищу по перу, такому же беглецу, в Одессе, отбитой белыми у красных:

«Бог свидетель, я бы сапоги теперь целовал у всякого царя! У меня самого рука бы не дрогнула ржавым шилом выколоть глаза Ленину или Троцкому, попадись они мне, – вот как мужики выкалывали глаза заводским жеребцам и маткам в помещичьих усадьбах, когда жгли и грабили их!» [1, с. 153].

Представляется невозможным, чтобы Иван Бунин стал оговаривать своего старого приятеля Алексея Толстого, с которым они и дружны были, и ругались и мирились множество раз, вместе оказались в эмиграции, потом дружили семьями и безмерно уважали талант друг друга. Да и само откровение Толстого, наблюдавшего за большевистскими зверствами в России, на тот момент звучит криком его души. Какой бы ни была марксисткой графиня Александра Леонтьевна Толстая, но «Россия, кровью умытая»¹ времен гражданской войны ужаснула и Бунина и Толсто-

¹ «Россия, кровью умытая» - роман Артема Веселого, написанный в 1927 – 1928 гг.

го, и бежали они из нее, не желая принять такого рокового перелома в истории своего Отечества.

Роман А.Н. Толстого «Хромой барин» (1912 год), написанный за пять лет до переворота 1917 года, поначалу был «революционным», и судьбы героев были таковыми, но позже А.Н. Толстой переписал многое и выбросил эту «дань времени», даже несмотря на то что собирался вернуться в СССР. Модно было писать о революции накануне краха русской цивилизации (и здесь нельзя не вспомнить творчество М. Горького). И все же Горький – человек из толщи народной, а Толстой – потомственный аристократ, хоть и воспитанный в глухой деревне двумя интеллигентами-вольнодумцами. В полной мере он сумел разглядеть звериный оскал народного гнева, копившегося столетиями и нашедшего выход так внезапно и страшно. Как и все произведения, Толстой переписывал «Архипа» и «Сватовство», два дополняющих друг друга рассказа, неоднократно. Рассказ «Архип» был впервые напечатан в «Новом журнале для всех» в 1909 году, «Сватовство» – в литературно-художественном альманахе «Шиповник», в 1910 году. Затем оба рассказа издавались в сборниках «Заволжье» и «Под старыми липами», а было еще издание в Германии накануне возвращения на родину, и, конечно, частые публикации в СССР. Но ни в одном издании не был скрашен упомянутый выше «звериный народный оскал», – нота, взятая предельно высоко, оставалась звучать с первоизданной силой.

Максим Горький, у которого Алексей Толстой в далеком будущем унаследует пост председателя союза писателей СССР, провозгласил идею «социалистического реализма», но как же страшен реализм молодого Алексея Толстого в обоих

этих рассказах и насколько он совсем не социалистический. Нет тут злых капиталистов и купцов, помещиков-мироедов, безжалостных жандармов, как и нет несчастного забитого мужика, над судьбой которого хочется лить горькие слезы. А вот добрый и непрактичный помещик Собакин, зарезанный Архипом, есть, и милая и рассудительная помещица Чембулатова, и совсем уже беззащитный юный помещик Миша Камышин, забитый народными кулаками до смерти. И, конечно, ни за что ни про что удушенная в амбаре «раба божья» Катенька, желавшая земной любви, – ее смерть оставляет на сердце читателя буквально незаживающую рану. И насколько страшны у Алексея Толстого в обоих рассказах «герои из народа» – некий «социалистический реализм наоборот», иными словами, поставленный с головы на ноги. Рассказы «Архип» и «Сватовство» будто намеренно сплетены в один обнаженный нерв, уходящий гораздо глубже современной автору классовой борьбы, новых литературных течений – он уходит в глубину народного тела, через пугачевщину и разинщину, на сотни лет назад, почти в первобытную дикость, открывая силы темные и разрушительные для любой цивилизации, для самой души человека.

Ключ к секрету мастерства Толстого-прозаика находим у Б.В. Томашевского: «...чем значительнее выбирается тема, тем длительнее ее действенность, тем более обеспечена жизненность произведения. Расширяя так пределы актуальности, мы можем прийти до «общечеловеческих» интересов (проблемы любви, смерти), неизменных в основе на всем протяжении человеческой истории» [4, с. 118].

1. Бунин, И. А. Третий Толстой / Бунин, И. А. Полное собрание сочинений. В 13 т. – М., 2006 г. – С. 153.
2. Толстой, А. Н. Архип / Толстой, А. Н. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958-1961. – С. 87.
3. Толстой, А. Н. Сватовство / Толстой, А. Н. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958-1961. – С. 254.
4. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспент Пресс, 1999. – 334 с. – ISBN 5-7567-0230-X. – С. 118.

THE THEME OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE EARLY WORKS OF A.N. TOLSTOY

© 2020 D.V. Agalakov

Dmitry Agalakov, Member of the Union of Russian Writers and the International Association of Science Fiction Writers, post-graduate student of the Department of

Russian and foreign literature and methods of teaching literature.

E-mail: agalakov07@rambler.ru

Samara State University of Social and Education.

Samara, Russia

In this article, the author examines the stories of A.N. Tolstoy's "Arkhip" and "Matchmaking" are early works where the writer creates a universal world, which he knew and loved so well, which nourished it with his joys and sorrows. The author comes to the conclusion that no matter how Marxist Countess Alexandra Leontievna Tolstaya, the mother of Alexei Tolstoy, was, Russia during the civil war horrified both Bunin and Tolstoy. The stories "Arkhip" and "Matchmaking" seem to be deliberately intertwined into one bare nerve that goes much deeper than the modern author of the class struggle, new literary trends - he goes into the depths of the people's body, through Pugachevism and rashness, hundreds of years ago, almost into primitive savagery, opening up dark and destructive forces for any civilization, for the very soul of man.

Key words: A.N. Tolstoy, the story "Arkhip", the story "Matchmaking", the Russian revolt.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-97-105

1. Bunin, I. A. Tretiy Tolstoy / Bunin, I. A. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. (Complete Works. In 13 volumes) – M., 2006 g. – s. 153.
2. Tolstoy, A. N. Arkhip / Tolstoy, A. N. Sobraniye sochineniy. V 10 t. (Collected Works. In 10 volumes.)T. 1. - M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958-1961. – S. 87.
3. Tolstoy, A. N. Svatovstvo (Matchmaking) / Tolstoy, A. N. Sobraniye sochineniy. V 10 t. T. 1. - M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958-1961. – S. 254.
4. Tomashevskiy, B. V. Teoriya literatury. Poetika (Theory of Literature. Poetics). – M.: Aspent Press, 1999. – 334 s. - ISBN 5-7567-0230-KH. – S. 118.